

Александр Князев

ПОЕЗДКА В РАСПРОДИК

рассказ

12+

Александр Князев

Поездка в Распродик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50310044

SelfPub; 2020

Аннотация

Главный герой совершил поездку, чтобы автор рассказа мог поучаствовать в литературном конкурсе с темой "Города, существование которых не доказано". Удивительные события и необыкновенные приключения обошли главного героя стороной. Тем не менее драматические последствия поездки имели для него судьбоносное значение. О, да, еще какое судьбоносное. Автор должен быть благодарен герою за то, что тот буквально протащил его рассказ во второй тур конкурса. На главного героя лег такой груз ответственности, что автору должно быть стыдно перед ним. Герой точно ни о чем таком не просил. При этом по всему ходу повествования они хорошо друг друга дополняли. И успешно довели историю до конца. Каждый по-своему.

Площадь города Распродик окружало множество строений – городская управа, дома торговцев с лавками, театр. На первый взгляд этот список был полный. Но на стыке зданий театра и управы в темном углу, куда никогда не попадал солнечный свет, чернел узкий проход. Он не был ни улицей, ни переулком. Это был вход в строение, имевшее право и по статусу, и по почтовому адресу считаться расположенным на городской площади. Но театр и управа не позволили протиснуться еще одному желающему на центральную площадь, и претендент протянул к ней лишь узкий темный коридор. Это было здание городского суда.

Закрытые ранним утром лавки купцов, городской театр и управа могли наблюдать, как участники судебных процессов задолго до начала работы суда появлялись на площади и брели к узкому проходу в углу городской площади. Там их встречал заспанный сторож. Он гнал тревожных посетителей прочь дожидаться часа открытия. Прогнанные истцы и ответчики слонялись по площади, с тревогой ожидая решения своих вопросов. Когда стрелки часов достигали положенного деления, плотная очередь выстраивалась у узкого прохода.

В этой очереди толкался Симблион Пастакса, верпубуж небольшого городка Проскрюк, расположенного в одном дне пути от Распродика. Слушание по его делу было назначено на послеобеденное время, но тревога не позволила остаться в гостинице. С самого утра, не позавтракав, он отправился

ко входу в суд. Путь он изучил накануне. Два часа Симблион слонялся по площади и теперь пытался одним из первых проникнуть в здание. Он хотел выяснить все необходимое как можно раньше. Расчет был на то, что с утра судейские чиновники, не уставшие от назойливых посетителей, будут более благосклонны и дадут ему дельные советы.

Очередь медленно двигалась через узкий проход ко входу в суд. За старой входной дверью плотная толпа растеклась в разные стороны по темным коридорам здания, а Симблион вместе с несколькими посетителями остался в маленьком плохо освещенном фойе. Он не знал, куда идти. В судебной повестке были указаны адрес, дата и время заседания. Где оно должно было пройти, было неизвестно.

С этого момента для Симблиона, как и для многих других участников административных и гражданских процессов, начались гонки за судейскими. Те быстро перебежали от одного кабинета к другому, стараясь избежать любых разговоров с посетителями. Их темные фигуры, облаченные в черные мантии, неожиданно возникали в коридорах судебного здания и стремительно неслись, обрастая по дороге толпой просителей. Иногда кому-то удавалось добиться от них короткого ответа, и тогда этот человек с торжествующим видом бросался в указанную чиновником сторону. Через некоторое время его можно было встретить в другой части здания с таким же потерянным видом, какой у него был до этого.

Симблион к третьему часу выяснил основные маршруты

передвижения работников суда, знал, где лучше их поджидать, и с какой стороны заискивающе заглянуть в глаза, чтобы задать вопрос. Ему нужно было выяснить, какой судья рассматривает дело города Проскрюк, в каком зале заседания будет рассматриваться его дело, на какой зал он заменен и т.д. Еще через час ему удалось узнать номер назначенного помещения, а через сорок минут он его нашел. У входа сидела очередь из ответчиков. Проскрюкинский верпобуж у каждого из них уточнил номер зала и имя судьи и, так как большинство дало подходящий ответ, уселся на свободный стул в ожидании вызова. Тревога, отошедшая в азарте охоты на второй план, навалилась с удвоенной силой. Симблиона успокаивало только то, что он успел изучить расположение всех туалетов в здании суда. Впрочем, эта информация носила теоретический характер, он не собирался покидать место у входа в зал заседаний ни при каких обстоятельствах – вдруг его вызовут раньше. Рядом сидел очень похожий на него человек. По всем признакам то ли выдрикаст, то ли старший земолот городской управы. Невысокого роста с пролысиной в потертом форменном эспалоте. На коленях перед собой он держал толстую кожаную папку, набитую бумагами.

Заметив интерес Симблиона к папке, человек с ласковой улыбкой похлопал по папке маленькой пухлой ручкой:

– Здесь все наши документы. Все, что сохраняли выдрикасты города Заплюкин последние пять сотен лет. Так что я совершенно спокоен за исход дела.

Симблион с тревогой посмотрел на свою тоненькую папочку. В ней лежало всего несколько документов, в том числе повестка в суд.

– Сначала мы считали, что это требование к нам не относится, – продолжил хвастаться выдрикаст из Заплюкина. – У нас в городе живет всего тысяча человек. Но потом оказалось, что численность жителей города определяется с учетом альтернативных реальностей – нам так юрист-отшельник пояснил – а у нас за время существования города набралось где-то сто миллионов альтернативных реальностей. Мы со всеми связались через присяжного оккультиста, всех посчитали. Не во всех же реальностях город существует. В итоге набралось две с половиной тысячи человек. А документы, начиная с какого числа жителей, надо подавать?

Симблион начал лихорадочно вспоминать, что было сказано в указе.

Но выдрикаст из города Заплюкин не стал ждать ответа:
– С 1478. Так что мы сразу пригласили нотариуса-археолога. Засвидетельствовали места стоянок древних жителей вблизи города. Заказали культурологическую экспертизу упоминаний нашего города в художественных произведениях. Хорошо, что в это время через город проходил табор бродячих адвокатов. Помогли мне составить пояснительную записку.

Симблион с ужасом смотрел на выдрикаста, и тот, видя реакцию собеседника, решил его добить:

– Ну, и вы, конечно же, тоже составили опись архивных документов за первые сто лет существования города? Нет? Ничего. Это ведь необязательное требование.

Из приоткрывшейся двери высунулась мордочка судебного секретаря и что-то невнятно пропищала.

– Вот и меня вызывают.

Выдрикаст поднялся, крепко держа в руках ценную папку, с удовольствием оценил эффект, произведенный его словами на Симблиона, и чтобы окончательно его добить, похлопал того по плечу.

– Да вы не переживайте, может, все еще будет хорошо, – сказал довольный собой выдрикаст.

Даже полный оптимист, воспринимающий кораблекрушение как возможность искупаться, услышал бы в этой фразе только одно: «Вам конец, сочувствую вашему горю».

Симблион сжался на своем стуле, с силой прижав к груди тонкую папку.

Ну откуда он мог знать про нотариусов – археологов и культурологические экспертизы? У них в городе нет отшельников-юристов, и бродячие адвокаты до сих пор не посещали Проскрюк. Даже про повестку проскрюкинский верпелбуж узнал совершенно случайно. Их городской подрастрит съездил в соседний город за новой партией товара и заметил на столбе объявлений повестку, адресованную городу Проскрюк. Теперь Симблион знает, что он, как городской верпелбуж, должен не реже одного раза в пять лет ездить в сосед-

ний город, чтобы проверить, не вывешены ли для Проскрюка официальные уведомления. А ведь раньше он об этом не знал, вот и получил повестку практически в последний момент – за два года до заседания. Тогда они в проскрюкинской управе из повестки и про указ узнали. А уже после того, как они в соседнем городе копию указа получили, стало им известно, что по всей стране проводится перепись городов, и что города должны в течение 50 лет предоставить в комиссию по административно – территориальному делению документы, подтверждающие учреждение города. А те, кто документы вовремя не подадут, вызываются в суд для рассмотрения их вопроса в очном порядке. Вот их и вызвали, и Симблион, как верпебуж города, должен был город в суде представлять. А откуда ему взять учредительные документы города, если в управе всю бумагу или с табаком скуривают, или в туалете мнут. Сначала хоть чистой бумагой пользовались, а как она закончилась, за архив взялись. И так неудачно взялись, что начали скуривать архив с начала: старая бумага казалась не такой важной, и пропажу вряд ли бы заметили, кому эти старые бумажки могут понадобиться. А вот и понадобились. Хватились, а в архиве – всего пара листиков, которые за полки завалились, да самые последние распоряжения насчет навозной кучи на городской площади. Эх, начали бы скуривать архив с конца, так, может, и остались бы нескуривенными как раз самые старые документы про учреждение города.

Симблион еще до последнего момента надеялся, что они из-за количества жителей под указ не подпадают. Самые горячие головы предлагали всех неугодных из города выгнать. И выгоняли, да они все равно обратно возвращались. Потому они и неугодные были, что характер у них поганый, а с такими разве можно договориться. А потом еще оказалось, что у бессмертников возраст на 70 делить надо, и если они прожили 140 или 210 лет, то их за двоих или троих считать надо. А в Проскрюке таких несколько сотен жило. Кто-то говорил, что это именно из-за них всю перепись затеяли, чтобы с них налогов больше собирать, как с двоих или с троих. Симблион связи здесь не видел, но бессмертников все равно с тех пор сильно невзлюбил и штраф за кучу навоза, что третий год без хозяина на городской площади размещалась, именно на одного бессмертника наложил.

Дверь скрипнула, в коридор вышел заплюкинский выдрикаст. Уверенность, улыбочки, вальяжность в походке исчезли. Выглядел он полностью потерянным. Выдрикаст повернулся к секретарю, который его торопливо выпихивал из дверного проема:

– Да как же так? Да разве же я знал? Да откуда ж мне эти протоколы достать? Да это когда же было?

– Таковы требования закона. К юристу бы обратились, хоть к отшельнику, или с бродячими адвокатами посоветовались, – выпихивая выдрикаста, говорил судебный чиновник. – Освободите зал суда. Представитель города Про-

скрюк, проходите.

Симблион поднялся и, с трудом переставляя ноги, направился в сторону длинного носа секретаря, торчащего из приоткрытой двери. Он медленно прошел мимо выдрикаста из Заплюкина, боясь даже взглянуть на него, подошел к двери.

– Давайте же, скорее. Судья не любит ждать. Вынесет решение без вас, будете потом мне плакаться.

Это поторопило Симблиона. И он вошел в зал судебных заседаний. Этот зал он видел в течение последних двух лет во всех своих ночных кошмарах. В жизни он выглядел по другому – это была небольшая комната, которая по нужде, а не по назначению выполняла функции судебного присутствия. Она была скудно освещена светом из грязного окна и несколькими масляными лампами. Вся мебель в ней казалась темной, а обстановка таинственной. С одной стороны, на возвышении, стоял стол судьи. Он возносил своего хозяина под потолок. Перед столом расположились два ряда скамей. Справа от стола в самом темном углу размещалась конторка секретаря. Больше в комнате мебели не было.

Судья, облаченный в черную мантию, такой же темный, как и все в этом зале, молча глядел на вошедшего с высоты своего стола.

Секретарь зататорил:

– Дело города Проскрюк Калибарского уезда Симпадной волости, ответчик не предоставил в комиссию по административно-территориальному делению документы, подтвер-

ждающие факт учреждения города, в установленный в указе срок. Ответчик проинформирован о месте и времени судебного заседания согласно процессуальному уложению. Ответчика представляет ... – секретарь вопросительно взглянул на все еще стоящего у входа Симблиона.

– Симблион Пастакса, верпебуж города Проскрюк, – сдавленным от страха голосом произнес представитель ответчика.

– Личность представителя проверена по ... – судебный чиновник нетерпеливо махнул рукой, требуя предъявить подтверждающие личность документы.

С этого момента у Симблиона все пошло из рук вон плохо. В попытке быстро и ловко достать из папки свою личную грамоту он перевернул папку с документами и высыпал их на пол. Бумаги плавно разлетелись в разные стороны. Симблион бросился их собирать, потом остановился, начал искать личную грамоту, затем понял, что в темноте комнаты не сразу разберет, какой из документов его грамота, опять начал собирать документы с пола. При этом ужас, охвативший его сразу после входа в комнату и с того момента постоянно усиливавшийся, подстегнуло возмущенное шипение секретаря и недовольное цоканье судьи. Но грамоту он все же нашел и передал секретарю. Тот, мельком взглянув на нее, продолжил начатую фразу:

– ... по личной грамоте, выданной грамотным столом №4932 при рождении, срок годности – до смерти.

Судья, не отрывая глаза от бумаг, лежавших перед ним, начал быстро зачитывать по памяти длинную фразу:

– У вас есть право ознакомиться с материалами дела, делать из него выписки, снимать копии, заявлять отводы, представлять доказательства, задавать вопросы свидетелям, экспертам и специалистам, заявлять ходатайства, давать объяснения суду в устной и письменной форме, обжаловать судебные решения. Вы обязаны доказывать обстоятельства, на которые вы ссылаетесь, соблюдать установленный порядок в судебном заседании, извещать суд о невозможности явки в судебное заседание с указанием причин, сообщать суду о перемене места жительства во время судебного разбирательства дела, соблюдать требования, предъявляемые к форме и содержанию подаваемых документов. Права и обязанности вам понятны? – судья строго посмотрел с высоты своего стола на сидящего на скамье Симблиона.

– Да, понятны, – просипел тот, со страхом глядя на голову судьи, склонившуюся над ним.

– Встаньте! Вставайте, когда говорите, – страшным голосом зашипел секретарь.

Симблион вскочил и закричал:

– Да, понятны, ваше превосходительство!

Проскрюкинский верпелуж полностью ослаб от внутреннего напряжения и страха, он не чувствовал в себе сил, чтобы хоть немного постараться и добиться желаемого результата. На глазах у него от отчаяния выступили слезы.

– Ваша честь. Обращайтесь: ваша честь.

Далеко от себя в противоположном углу этого вдруг увеличившегося в размерах зала он слышал голос секретаря, но смысл слов до него не доходил. Он чувствовал, что делает все неправильно и движется к катастрофе.

– Ну, господин Пастакса, какие документы вы готовы предоставить? – произнес судья, неожиданно улыбнувшись. – Надеюсь, вы нас не будете шокировать всякими заверениями нотариусов-археологов или заключениями культурологических экспертиз? А то наслушаются юристов-отшельников или, того хуже, бродячих адвокатов, а потом подсовывают нам пояснительные записки. Вы же нам ничего не собираетесь подсовывать? – судья ободряющего взглянул на Симблиона.

– Не-е-ет, – протянул он, чувствуя, как к нему возвращается отдаленное подобие уверенности, ноги начинают чувствовать пол, а комната приобретает начальный размер. Симблион на последнем звуке слова даже успел подняться и поспешно добавил: – Ваше величество. То есть, ваша честь.

– Вот и хорошо. Передайте документы секретарю.

Секретарь не стал дожидаться, пока ответчик сориентируется в пространстве зала, найдет его, проделает два шага в сторону конторки. Поэтому сам подошел, забрал папку, вернулся за стол и начал быстро просматривать документы.

– Что там, Подпрошит? – судья обратился к помощнику.

Тот, продолжая перебирать документы, медленно поднял-

ся и произнес:

– Здесь, ваша честь, протоколы какой-то земляной комиссии, дипломы об окончании курсов повышения квалификации, благодарность за вклад в развитие корнеплодных культур.

Судья повернулся к Симблиону:

– Господин Пастакса, что же вы нас огорчаете? Вы какие документы должны были подать? Где протокол об учреждении города, где согласования центральной комиссии по регистрации городов, карточка образцов подписей членов учредительной комиссии, положение о деятельности городской управы?

– Но это же так давно было! У нас тогда, наверное, никто и писать не умел. Кому ж протоколы было составлять? – этот аргумент проскрюжинский верпелубж считал самым весомым, про прокуренный подчистую архив он боялся упоминать.

– Так как же вы без учредительных документов то живете? – судья неодобрительно покачал головой. – Как же вы в налоговую стражу на учет вставляли? Ладно, ясно все мне. Желаете подать суду прошения, дополнительные доказательства, заявления?

Симблион понял, что сейчас у него есть последний шанс исправить ситуацию.

«Что же делать, какое прошение подать?» – в голове панически заметались мысли.

Но возможность была лишь формальностью, так как судья, не дав ответчику и минуты на размышления, поднялся, чтобы огласить решение суда. Секретарь тоже поднялся. Симблион уже давно не садился.

– Я судья восьмой палаты третьего департамента муниципально-административного суда И К, рассмотрев дело города Проскрюк Калибарского уезда Симпадной волости, выслушав показания представителя ответчика Симблиона Пастаксы, верпебужа города Проскрюк, ознакомившись с заключением комиссии по административно-территориальному делению и предоставленными ответчиком документами, постановляю признать существование города Проскрюк недоказанным.

Правая рука судьи с зажатым в ней деревянным молотком приподнялась и быстро опустилась. Молоток негромко стукнул по деревянной подставке.

В тишине судебного зала можно было расслышать все оттенки этого короткого сухого удара. Возникшие при этом колебательные движения воздуха распространились во все стороны, но Симблиону показалось, что звук удара был направлен прямо в него. Проникнув в голову, он ударил его так сильно, что в глазах потемнело.

«Что же это случилось? Что теперь будет?» – Симблион пытался собраться с мыслями и найти решение. Он уже не слушал, что говорил судья:

– Решение суда вступает в силу с момента принятия. У вас

есть право обжаловать решение суда в течение пятнадцати минут с момента его провозглашения в Верховном суде по муниципально-административным делам. Обжалование решения суда не останавливает его действие.

Судья поднялся. Тут же вскочил секретарь. Симблион даже не пытался приподняться с краешка скамьи, он опустился на нее после объявления решения. Секретарь бросился его поднимать.

– Ничего, ничего, господин ответчик, не переживайте.

– А что же теперь будет?

– Да все будет как обычно.

– Да, правда?

Секретарь взял проскрюкинского верпебужа под руку и повел к выходу. В случае с признанием существования города недоказанным обычно ничего хорошего не происходило, но фраза эта звучала успокаивающе для ответчиков. Правда, обычными последствия решения суда были для судьи, а не для участников суда.

Видя, что его слова никак не помогают привести Симблиона в чувства, чтобы поскорее освободить от него судебный зал, судейский забубнил:

– Вы, конечно, могли бы обжаловать решение в Верховном суде, но у вас осталось всего двенадцать минут. А Верховный суд находится на другом конце города, тут и на резвом скакуне не доскачешь.

Он уже начал чувствовать в локте Симблиона ту неприят-

ную неплотность человеческого тела, возникающую у людей, очень сильно связанных с городом, существование которого было признано недоказанным.

– Так что вы идите, идите.

Секретарь подпихнул растерянного ответчика, выставил его в коридор и закрыл за ним дверь. Он очень хорошо представлял, что сейчас начнет происходить. Симблион об этом знал только по слухам, но испуганное решением судьи воображение рисовало ему правильную картину.

С этого момента в Проскрюке сначала медленно, а затем все быстрее начинают исчезать стены, дороги, изгороди. В первые минуты этот процесс касается самых старых построек, поэтому город исчезает постепенно, от центра к окраинам. На месте исчезнувших зданий, дорог и площадей появляется почва, песок, глина. Стороннему наблюдателю может показаться, что почва пожирает город, распространяясь по его территории. Только в городе, чье существование не доказано, не бывает сторонних наблюдателей. Участь города перенимают жители, крепко связанные с ним. Если семьи росли в этом городе из поколения в поколение, они исчезают полностью. Семьи, возникшие при браке приезжего с местным, навсегда распадаются. Оставшемуся в живых супругу остается надеяться, что их дети больше унаследовали от него, чем от второго супруга, чье существование вместе с существованием города не доказали.

Дома, перенесшие ремонт с помощью привезенных из

другого города материалов, исчезают по частям. Обновленная кровля, пол, новая мебель падают на землю, проваливаясь сквозь исчезающие полупрозрачные стены и перекрытия.

Последствия вступления в силу решения суда о признании существования города недоказанным похожи на возникновение на ровном месте стихийной свалки строительных материалов, новой одежды, осколков только что купленной посуды. И среди этих вещей бродят люди, столкнувшиеся с внезапной и очень страшной бедой.

Симблион с удивлением посмотрел на кисть руки, она стала нечеткой, вроде бы даже прозрачной.

«Что-то не так с моим зрением. Наверное, это шок. Секретарь говорил, что решение можно оспорить! Скорее в Верховный суд!»

Полупрозрачная почти невидимая в сумраке коридоров тень метнулась к выходу. По дороге она становилась все менее заметной, все исчезало: и форменный эспалот, и старая кожаная папка, и коричневые добротные ботинки. Только горсть новых пуговиц, недавно пришитых к рубашке, не потеряла своей телесности и со стуком осыпалась у самого выхода из здания. Уборщица, давно знакомая с такими фокусами, без удивления собрала пуговицы и спрятала в карман.

Судья И К посмотрел на часы – до обеда оставалось еще шестнадцать минут. Это означало, что есть время рассмотреть два дела. Перед обедом судье совсем не хотелось пор-

тить аппетит видом еще двух провинциальных дурней, которые не имели никакого представления ни о праве, ни о судебном процессе. Именно такие люди упрямо лезли в суд, пытаясь решить личные и служебные проблемы. Но откладывать дела на потом судья тоже не хотел.

Секретарь, выходявший из зала, чтобы пригласить следующего ответчика, торопливо вернулся и подбежал к судье:

– Ваша честь, тут попросили вне очереди посмотреть одно дело, – протоколист положил на судейский стол серую папку. На обложке было написано название ответчика.

Судья, прочитав надпись, с удивлением взглянул на помощника:

– А почему этот вопрос дошел до суда? Разве они не решили все в комиссии?

– Что-то у них там не пошло, поэтому господин председатель суда передал это дело лично вам, чтобы уж точно все было в порядке.

Судья почувствовал, что воротник рубашки под мантией жестко сдавил горло, во рту пересохло.

– Ну, что же. Зовите ответчика.

При этом он подумал: «Ну вот, теперь тебе самому надо будет доказать, что ты не провинциальный дурень, который не имеет никакого представления ни о праве, ни о судебном процессе.»

В дверном проеме появился старший земолот городской управы. Судья был знаком с ним, они регулярно встречались

на городской площади по дороге на службу, иногда обедали в одном ресторане, пару раз пересекались в городском театре. И теперь они встретились в суде.

Судья с улыбкой поднялся и через стол протянул руку вошедшему, тот ухитрился пожать ее, сделав поклон. Секретарь прошмыгнул за свой столик и приготовился вести протокол, нервно переводя взгляд с судьи на земолота и обратно.

– Господин Валяю, рад встрече. Хотя я, конечно, не ожидал встретиться с вами в зале судебных заседаний. Разве в комиссии по административно-территориальному делению не решили этот вопрос, – судья решил переброситься парой фраз со знакомым перед началом заседания. В этом он не видел нарушения процессуального порядка.

– Да-а, документы подавались, – протянул старший земолот. – Но они в этой своей комиссии такие формалисты. Совершенно непонятно, почему им оказалось недостаточно предоставленных документов.

Сердце судьи болезненно сжалось от страшного предчувствия: он был значительно большим формалистом, чем тупицы из комиссии.

– Что же, начнем. Господин Подпрошит ...

Секретарь поднялся:

– Дело города Распродик, административного центра Симпадной волости. Ответчик не предоставил в комиссию по административно-территориальному делению документы, подтверждающие факт учреждения города, в установ-

ленный в указе срок. Ответчик проинформирован о месте и времени судебного заседания согласно процессуальному уложению. Ответчика представляет старший земолот городской управы Калябас Валяу.

Судья начал быстро перечислять права и обязанности ответчика:

– У вас есть право ознакомиться с материалами дела, делать из него выписки, снимать копии, заявлять отводы, представлять доказательства, задавать вопросы свидетелям, экспертам и специалистам, заявлять ходатайства, давать объяснения суду в устной и письменной форме, обжаловать судебные решения. Вы обязаны доказывать обстоятельства, на которые вы ссылаетесь, соблюдать установленный порядок в судебном заседании, извещать суд о невозможности явки в судебное заседание с указанием причин, сообщать суду о перемене места жительства во время судебного разбирательства дела, соблюдать требования, предъявляемые к форме и содержанию подаваемых документов. Права и обязанности вам понятны?

– Да, ваша честь, – спокойно произнес Калябас Валяу, поднявшись со скамьи.

– Передайте секретарю документы, подтверждающие факт учреждения города.

Калябас Валяу полез в портфель и вынул из него толстую папку с документами.

– Видите ли, ваша честь, – смущенно начал Калябас, – ар-

хив городской управы немного подтопило, поэтому учредительные документы не удалось пока что отклеить от бумажного кома. В него превратилась самая старая часть архива. Но сейчас с этим комом работают лучшие делопроизводители управы, – поспешил добавить Калябас, заметив, как мрачнеет судья. – А вот здесь у нас более поздние документы. Из них можно сделать однозначный вывод, что город Распродик был учрежден в предусмотренном законом порядке, – с этими словами Калябас подошел к конторке и передал папку секретарю.

Судья молча наблюдал, как помощник изучает документы, но уже через несколько минут не сдержался и воскликнул:

– Ну же, что там, Подпрошит? Давайте, я сам.

Секретарь передал папку с документами судье.

– Ладно, допустим, что оригиналов учредительных документов нет, – бормотал судья, перелистывая документы в папке. – Копии или дубликаты сохранились? – судья поднял взгляд на Калябаса.

– К сожалению, нет. Но есть протоколы заседания городской управы, где упоминаются эти учредительные документы. Вот здесь. Вы разрешите, я покажу?

Судья позволил Калябасу склониться над папкой, и тот зашуршал листами, перебирая документы.

– Вот! Протокол заседания аттестационной комиссии. Она основывает свои полномочия на положении о деятель-

ности городской управы. А вот договор с банком об открытии счета для города, подписанный городским головой на основании протокола об учреждении города.

– Это все?

– Есть еще более поздние документы, но без упоминания конкретных учредительных документов. И еще у нас есть культурологическая экспертиза и заверение нотариуса – археолога о существовании места стоянок древних жителей вблизи города.

– То есть вообще ничего нет? – судья отодвинул Калябаса от папки и начал лихорадочно перелистывать документы, бормоча себе под нос: – Мусорная комиссия, флюгерная комиссия, водочная комиссия, протоколы привода, протоколы увода, канализационный план города, договор об открытии счета.

Судья откинулся на спинку кресла, его начало охватывать паническое настроение.

– А что у вас там за архивный ком?

– Видите ли, документы архива лежали в одной куче, а когда их затопила вода, то они слиплись в один ком. Но наши архивариусы тщательно работают, чтобы разлепить их, – обеспокоенность судьи передалась Калябасу, и он с тревогой переводил взгляд с судьи на секретаря и обратно.

– Давно разлепляют?

– Уже три года.

– Что-нибудь отлепили?

– Пока что нет. Архивариусы очень боятся повредить ценные тексты, поэтому действуют максимально осторожно.

– Ясно.

Судья минуту размышлял, а затем, на что-то решившись, сказал:

– Валяю, я вам поручаю предоставить суду дополнительные документальные доказательства, подтверждающие факт учреждения города, назначаю вам срок для подачи дополнительных документов – 10 лет. До подачи ответчиком дополнительных документов судебное разбирательство отложено. Следующее заседание назначаю на эту же дату через десять лет. Подпрошит, проверьте, не выходной ли это, и внесите в протокол.

– Сейчас, сейчас, ваша честь, уже пишу.

Судья выдохнул, почувствовав, как нервное напряжение отпускает его.

– Ну вот, Калябас, а вы боялись.

Калябас неуверенно улыбнулся, он-то как раз ничего не боялся, был спокоен по поводу положительного решения суда и лишь слегка недоумевал из-за странного решения объявить перерыв в заседании суда на десять лет.

– Ваша честь, тут что-то такое! – воскликнул Подпрошит. – Смотрите!

Судья и Калябас взглянули на секретаря, отскочившего от своего стола, и увидели, как перо само окунается в чернильницу и начинает бегать по листу судебному протокола, со

скрипом нанося текст.

– Что это? Что оно пишет? – воскликнул судья.

– Мне не видно, – пропищал помощник.

– Так подойдите ближе.

Подпрошит, отклоняясь корпусом назад, выдвинул к столу свой таз. Поняв, что ему не угрожают агрессивные действия со стороны пера, которое окуналось в чернильницу и продолжало быстро писать в протоколе, секретарь приблизил к столу свою голову и прочитал:

– Судья И К: Я считаю, что ответчиком не предоставлены все необходимые документы для подтверждения факта учреждения города, и оцениваю необходимость поручить ответчику предоставить дополнительные документы в течение десяти лет, назначив отложение судебного разбирательства. Однако, я считаю, что ответчик не предъявил достаточных подтверждений того, что дополнительные документы могут быть предоставлены. Поэтому я считаю, что нет основания для отложения судебного разбирательства.

– Подпрошит, кто это пишет?

– Я не знаю, ваша честь. Может человек-невидимка.

– Ткните в него чем-нибудь.

– Зачем?

– Я сказал, ткните! – крикнул судья.

Подпрошит протянул в сторону пишущего пера папку с документами и помахал ею.

– Там ничего нет. Перо никто не держит. Оно как-то само.

– Так, Подпрошит берите другое перо и пишите: судья И К принимает решение о самоотводе, так как лично заинтересован в исходе дела. Рассмотрение дела откладывается до назначения другого судьи. Что же вы не пишете?

– Я не могу, чернила не оставляют на бумаге никаких следов! Ой, оно опять.

Перо выскочило из чернильницы и заплясало по листу с протоколом. Подпрошит прочел:

– Судья И К: Я оцениваю необходимость принять решение о самоотводе, так как лично заинтересован в исходе дела, но прихожу к заключению, что самоотвод должен был быть заявлен до начала рассмотрения дела по существу, так как основания для отвода были мне известны до начала рассмотрения дела. Поэтому на данном этапе рассмотрения дела самоотвод невозможен.

– Не получилось.

– Я понял! – первая паника прошла, и судью начал охватывать гнев. – Личность представителя ответчика не была проверена перед началом заседания должным образом, процессуальное нарушение не позволяет лицу, назвавшему себя Калябасом Валяу, представлять ответчика, ответчик не явился на заседание. Считаю, что рассмотрение дела не может проходить без ответчика. Назначаю новое заседание на ...

Перо быстро зачирикало по протоколу, судья вопросительно посмотрел на Подпрошита, следившего за текстом

протокола. Тот отрицательно покачал головой.

– Ладно, посмотрим кто кого. Подпрошит, подойдите ко мне.

Помощник с готовностью подскочил к судье, и тот с размаху ударил его по лбу своим судебским молотком. Не обращая внимания на крик опрокинувшегося на спину секретаря, судья объявил:

– Так как секретарь получил травму, и нет возможности вести протокол, объявляю об отложении рассмотрения дела. Назначаю новое заседание на ...

Судебный чиновник, не обращая внимание на боль, поднялся с пола, заглянул в протокол и прочитал:

– Согласно устоявшейся судебной практике, закрепленной решением консилиума Верхних судов, в случае невозможности ведения протокола секретарем после рассмотрения дела по существу, судья обязан собственноручно протоколировать ход заседания, если этому не препятствуют особенные причины.

– Ах, не препятствуют особенные причины!?! – взревел судья и, взмахнув полой мантии, как черным крылом, выложил на стол свою правую руку. – Подпрошит, рубите!

– Чем, ваша честь?

– У вас что, нет здесь топора?

– Нет.

– А что есть?

– Нож для починки перьев.

– Нет, это долго.

– Ваше честь, перо!

Перо опять начало заполнять протокол. Подпрошит прочел:

– Я судья восьмой палаты третьего департамента муниципально-административного суда И К, рассмотрев дело города Распродик, административного центра Симпадной волости, выслушав показания представителя ответчика, земолота городской управы Калябаса Валяю ... Ваша честь, оно выносит решение!

– Ну, нет! Подпрошит, ложитесь на протокол, не давайте на нем писать!

– Я не могу дотронуться до протокола, меня что-то не пускает!

В этот момент молоток судьи, отброшенный им в сторону после удара по лбу секретаря, взлетел в воздух и завис над деревянной подставкой.

– Мы не должны дать ему ударить по подставке! Подпрошит тяните! – судья схватился за рукоятку молотка, но тот, как каменное изваяние, застыл над дощечкой, ожидая, когда перо допишет решение судьи.

Судья навалился на него всем телом, сбоку давил помощник, но молоток не двигался. Вдруг перо остановилось, и судья почувствовал, как молоток начал опускаться на подставку.

– Не-е-ет! – судья с криком дернул молоток вверх, но даже

на секунду не задержал его медленное движение. Мгновение он смотрел, как боек молотка приближается к гладкой поверхности подставки, и в следующий миг схватил масляную лампу, стоявшую на столе, и ударил ею по судейскому оружию. Ламповое стекло разбилось, весь стол залило маслом. Оно тут же вспыхнуло от пламени фитиля. Огонь охватил документы, разложенные на столе. Облитый маслом молоток пылал, как адский молот. Но даже пламя не остановило его движение – твердый жесткий стук по подставке обозначил вынесение решения. Перо опять взмыло над листом протокола и начало выводить текст. Судья в панике и отчаянии смахнул движением руки со стола горящие документы. Мантия, забрызганная ламповым маслом, вспыхнула. Пламя перекинулось на конторку, где объятые огненными лепестками перо, вносило в протокол сообщение судьи ответчику о его праве оспорить решения суда.

Судья, не пытаясь сорвать с себя горящую мантию, повернулся к Калябасу. Тот в ужасе забился в угол судебной комнаты.

– Бегите, Калябас, бегите! Вы должны обжаловать решение в Верхнем суде! Вы должны успеть, или мы все исчезнем!

Последние слова летели вдогонку убегающему Калябасу, который среагировал на первую фразу судьи и вряд ли слышал ее продолжение.

Судья в изнеможении опустил на свое кресло. Как ни

странно, он не чувствовал боли от пламени, хотя оно охватывало его одежду, волосы – тело уже начинало исчезать. Секретарь выбежал из горящего зала вслед за Калябасом. Судья знал, что тому не спастись – он был жителем этого города уже в третьем колене, а значит он исчезнет вместе с городом, так же, как и судья.

Стол судьи горел, конторка секретаря горела, огонь охватил скамьи, полз вверх по стенам, облизывал балки потолочных перекрытий.

Судья с улыбкой наблюдал, как языки пламени проходили сквозь его полупрозрачную ладонь.

«Калябас, конечно, не успеет. Никто до него не успевал, и он не успеет. Даже если попытается. А это вряд ли. Да-а, правосудие взяло в свои руки принятие решений. Оно уже давно переняло на себя выполнение решений, а теперь взялось и за их принятие. А вдруг, это удача – уйти именно сейчас, не увидев, во что превратятся суды уже в ближайшие дни? Да что там суды, вся жизнь превратится в жесткое следование букве закона. И никаких интерпретаций, никакого духа закона. Только буква. Я сам был жестким нормативистом, и вот теперь мои же взгляды убивают меня.»

Прозрачный силуэт судьи исчез в жарком пламени, охватившем зал судебных заседаний и вырывающемся в коридор. У пожара было совсем немного времени, чтобы поглотить как можно больше помещений, прежде чем они начнут исчезать.

ДЛЯ ПОДГОТОВКИ ОБЛОЖКИ ИЗДАНИЯ ИСПОЛЬ-
ЗОВАНА ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РАБОТА АВТОРА.